

РАЗЛУКА С МАТЕРЬЮ НА ПЕРВОМ ГОДУ ЖИЗНИ: ВЛИЯНИЕ НА ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ДЕТЕЙ

К.СОЛОЕД*

В практике детской и взрослой психотерапии часто встречаются феномены, которые трудно анализировать, не зная особенностей развития объектных отношений пациента в раннем детстве. Особенно важен такой анализ при лечении пограничных состояний и в случае дифференциальной диагностики последствий депривационных нарушений при заболеваниях эндогенного происхождения. Знание феноменологии депривационного симптомокомплекса первого года жизни может значительно облегчить понимание симптомов, наблюдаемых в момент обращения за психотерапевтической помощью. В этой связи представляется интересным рассмотрение особенностей объектных отношений у детей, которые, рано лишившись материнского ухода, воспитывались в условиях так называемого «множественного материнства» в домах ребенка. Острота этой темы особо ощущается сегодня, когда явление сиротства в нашей стране достигает масштабов, заставляющих вспоминать времена «Великой Отечественной».

История изучения проблемы

Первыми исследователями материнской депривации были представители психоаналитической школы – М.Риббл, Р.Шпиц и А.Фрейд (Ribble, 1938, 1944; Spitz, 1945, 1946a, 1946b; Freud, 1943, 1945). В своих пионерских работах они описали феноменологию поистине драматических изменений в душевной жизни детей после внезапного разлучения с матерью. Эти исследования были продиктованы самой жизнью, так как в годы второй мировой войны появилось много сирот. Закономерно, что именно психоаналитики первыми обратили свое внимание на изучение данного вопроса: именно в психоаналитической теории ранние детско-материнские отношения рассматриваются как основа всех дальнейших отношений человека с окружением.

Первыми описаниями психологических потребностей младенцев и их

* Солоед К.В. – кандидат психологических наук, доцент Государственного открытого педагогического университета (кафедра практической психологии), психолог Детского психоневрологического санатория № 44, практикующий психотерапевт.

удовлетворения в условиях воспитания ребенка без матери мы обязаны М.Риббл (*Ribble*, 1938).

Принципиально новым вкладом в изучение проблемы стали работы Дж.Боулби, раскрывшего связь между качеством материнской заботы и успешностью психического развития ребенка. Самым известным трудом, где изучалось образование и разрушение привязанностей в раннем детстве, стала его работа «Создание и разрыв любовных (*affectionate*) уз» (*Bowlby*, 1979). Автор рассматривает с психоаналитической точки зрения процесс интрапсихической переработки травмы расставания в раннем возрасте.

М.Малер доказала, что благополучное, последовательное проживание симбиотического слияния с матерью с последующим отделением от нее имеет ключевое значение для формирования успешных объектных отношений в последующей жизни ребенка. Она также описала, как меняется поведение младенца при нарушении симбиотических отношений с матерью в период его отделения от материнского объекта (*Mahler et al.*, 1975).

Исследование личности бывших воспитанников детских учреждений

Существует ли преемственность между спецификой, присущей межличностным отношениям подростков и взрослых, выросших в доме ребенка, и особенностями их младенческого развития? Какие «знаки» нарушений объектных отношений можно наблюдать у них? О чем свидетельствует феноменология их когнитивных и личностных особенностей?

В.Голдфарб, а затем М.Берес изучили последствия ранних депривационных нарушений у подростков. Они сошлись в том, что след длительной разлуки с матерью в раннем детстве простирается на всю дальнейшую жизнь ребенка. Описанные этими авторами когнитивные и личностные отклонения у подростков позволяют предположить, что в их основе лежат нарушения объектных отношений на первом году жизни (*Goldfarb*, 1945a, 1945b; *Beres*, 1946).

В работе М.Бардышевской, использовавшей для изучения проблемы материнской депривации этологический подход, эмоциональные особенности ребенка рассматриваются под углом зрения их компенсаторного значения (*Бардышевская*, 1995). В работе выделены различные типы привязанности у детей 3-6 лет с ранним опытом депривации. Преобладание привязанности недифференцированного типа (50% от общего числа) указывает на то, что в условиях депривации сильно нарушается способность к установлению прочных эмоциональных связей с единственным взрослым.

В младшем школьном возрасте для воспитанников домов ребенка характерна специфическая задержка психического развития, названная «депривационной ретардацией». Ее основные черты – отставание в раз-

витии образного мышления, неразвитость произвольности в поведении и саморегуляции, неумение планировать собственные действия, бедность речи, недоразвитие или отсутствие навыков письма, чтения, счета, пространственных представлений (*Матейчек, Лангмайер, 1984*).

Анализ особенностей когнитивного развития младших школьников – воспитанников интерната – показал, что ведущими в структуре задержки развития интеллекта у этих детей являются «неумение вообразить, представить себе целостный образ события, ситуации, длительное сохранение наглядно-образного мышления» (*Прихожан, Толстых, 1990*). У них часто отсутствует представление об образе предстоящего действия, то есть нарушена функция планирования. Мышление, мотивация, поведенческие реакции жестко связаны с конкретной внешней ситуацией. Предпосылки для успешной символизации конкретных значений не сформированы. В ходе анализа особенностей аффективной сферы в том же исследовании было выявлено, что у обследуемых детей практически полностью отсутствовали собственные желания, и они сильно нуждались в получении одобрения, похвалы, внимания со стороны учителя. Исследования речи отражают те же характеристики. Так, было замечено, что воспитанники детских домов практически не используют глагольные формы первого лица и часто употребляют сослагательное наклонение (*Матейчек, Лангмайер, 1984*).

Анализ результатов теста Розенцвейга показал, что для воспитанников дома ребенка характерны экстрапунитивные реакции: враждебность, обвинения, угрозы, упреки по отношению к окружающим; неумение самостоятельно найти выход из конфликта, неспособность взять на себя ответственность за его решение и стремление переложить ее на окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, доминирование защитных форм поведения и неспособность конструктивно разрешать конфликтные ситуации (*Прихожан, Толстых, 1990*). У обследованных детей наблюдалось противоречие между выраженным стремлением к общению с взрослым и агрессивностью, на него же направленной.

Те же авторы обнаружили, что в подростковом возрасте воспитанники дома ребенка часто устанавливают с взрослыми и сверстниками отношения, основанные на их практической полезности. Дети ведут себя так, как будто у них отсутствует способность углубляться в привязанности. Для них также характерны поверхностность чувств, моральное иждивенчество (привычка жить по указке), осложнения в становлении самосознания (переживание своей ущербности), делинквентное поведение. Так, известно, что около 30% подростков совершают уходы, побеги, склонны к бродяжничеству и воровству. Наряду с этим нетрудно заметить, что у них обострены потребности во внимании и доброжелательности взрослого, в человеческом тепле, ласке и положительных эмоциональных контактах (*Прихожан, Толстых, 1991*).

М. Берес (*Beres, 1946*) изучил группу подростков и молодых людей,

которые были разлучены с матерью в первые месяцы жизни на различные сроки до 4 лет. Цель исследования – проверка гипотезы о наличии связей между психической структурой личности взрослых и опытом длительного разлучения с матерью в детстве. Среди обнаруженных характерологических изменений в группе из 38 человек семь случаев были квалифицированы Бересом как психический инфантилизм, двенадцать – как невротический характер, два – как шизоидная личность. Первая и вторая группы, скорее, соответствуют «психопатической личности» в современном понимании этого термина. Их собирательной характеристикой являются следование принципу удовольствия вместо принятия принципа реальности, неспособность противостоять фрустрации, требование немедленного удовлетворения инстинктивных импульсов, отсутствие признаков вины, возникновение тревоги лишь непосредственно в момент появления объективной опасности. Объектные отношения у представителей данной группы носили характер поверхностных, мимолетных идентификаций. Для них также были характерны слабо развитое супер-эго, ограниченная способность к сублимации, трудности в обучении, часто встречаемое делинквентное поведение, являющееся результатом идентификации с преступниками, построение сексуальных отношений на основе зависимости или в форме извращений. Как отмечает автор, в этих случаях наблюдается сходство с психопатами, пережившими в детстве длительную разлуку с матерью и утратившими уже тогда способность к успешной идентификации с родительскими фигурами.

Признаками инфантильного «Я» у бывших воспитанников домов ребенка являются низкая толерантность к фрустрации и потребность немедленного удовлетворения потребностей, выраженная импульсивность. В различных случаях интрапсихический конфликт у них выражается в плохой адаптации к окружению, вспышках гнева, легком возникновении агрессивности. Однако за фасадом агрессивного поведения часто стоит стремление получить от окружающих помощь и поддержку.

Известно, что детям, оставленным родителями, трудно адаптироваться к отношениям в приемных семьях. В этих случаях поведение ребенка часто выражает собой вопрос: «Как может кто-нибудь любить меня, если мои собственные родители не хотят иметь со мной дела?». На первый план здесь выступает проблема принятия. Вырастая, дети, пережившие длительную разлуку с матерью в раннем детстве, склонны устанавливать инфантильные отношения с родительскими фигурами. Они часто переносят на партнеров «претензии», суть которых заключается в перекладывании на них ответственности, в наделении их всемогуществом и контролем над собственными агрессивными и сексуальными импульсами. Кроме того, у них остаются сильно выраженными потребности в зависимости, получении протекции, поддержки и безопасности.

Изучение образа «Я» у подростков (*Прихожан, Толстых, 1982*), пе-

ренесших в раннем детстве длительную разлуку с матерью, показало, что для них интимно-личностная сторона общения менее значима, чем для подростков из семьи. Слабо выражена также и потребность в эмоциональном контакте. Интересно, что, в отличие от подростков, выросших в семье, которые обычно склонны противопоставлять собственное поведение нормативному, собственные предпочтения – родительским, воспитанников приюта отличает умение приспособиться к ситуации, обойти требования взрослых, не вызывая с их стороны каких-либо санкций. Их представления о собственных умениях и интересах слабы, самооценка не дифференцирована, скорее негативна и основана преимущественно на оценках окружающих, а не на собственных критериях. Подростки часто проявляют несдержанность, раздражительность, не могут преодолеть возникающие в учебе трудности без нажима со стороны взрослого. При этом они не стремятся научиться контролировать собственное поведение и настроение, так как это не является для них значимым.

Феноменология нарушений в детском возрасте (по результатам собственных исследований)

В исследовании младенцев из дома ребенка мы применяли метод наблюдения Э.Бик (*Bick, 1968, 1986*) и фиксировали различные аспекты психического развития при помощи психомоторной карты развития ребенка О.Баженовой (*Баженова, 1983*). В результате нами были выделены характерные особенности объектных отношений этих детей на протяжении первых двух лет жизни. Приведем некоторые из них:

- формирование особых границ тактильной чувствительности и фиксация на собственном теле;
- снижение инициативности, любопытства и игровой мотивации в отношении объектов окружения (как живых, так и неживых); нарастание отчуждения от объектов внешнего мира;
- сильная зависимость состояния ребенка от постоянства внешнего окружения;
- усиление потребности в нахождении взрослого в непосредственной физической близости и низкая толерантность к разлучению;
- искажение процесса дифференциации единственного объекта любви (трудность выбора единственного объекта).

Попытаемся рассмотреть эти феномены более подробно и поискать им возможное объяснение.

Формирование особых границ тактильной чувствительности и фиксация на собственном теле

Снижение тактильной чувствительности проявляется в своеобразном застывании: ребенка берут на руки или поглаживают его в кроватке, активно улыбаются и разговаривают с ним, однако не получают типичного для этого возраста (от 3 до 6 месяцев) эмоционального отклика. И

только более сильные, похожие на встряхивание, движения могут «оживить» малыша. На такое бесчувствие указывал еще Р.Шпиц, описывая признаки анаклитической депрессии (*Spitz, 1946a*). Известно, что кожа ребенка становится восприимчивой к разного рода стимулам после частого соприкосновения с материнским телом и более или менее длительного нахождения на руках матери. Одновременно с расширением физического опыта происходит формирование положительно окрашенного эмоционального отношения к собственному телу. От любовного обращения матери с телом ребенка во время кормления, купания, укачивания, игр, обучения, через многократно повторяемые совместные действия пролегает путь к любви самого ребенка и к собственному телу и к тому, что с ним происходит. Его движения постепенно все больше и больше попадают в фокус его же внимания и осознаются им как свои собственные, произвольные действия. В отсутствие тесного контакта с матерью сигналы от поверхности кожи перестают быть эмоционально информативными, и происходит постепенное снижение тактильной чувствительности.

Другой интересный феномен – фиксация на действиях с частями собственного тела и стереотипных играх с предметами. На приводимом ниже примере видно, какое значение имеет двигательная активность ребенка в отсутствие общения с ухаживающим взрослым и как она постепенно перерастает в состояние, когда малыш успокаивает и «удерживает» себя сам. Безусловно, помимо психологической выгоды, ребенок в этом случае получает большое удовольствие от собственных движений. Замечу, что подобные упражнения выполняют и материнские дети. Но особенностями малышей из дома ребенка являются особое упорство, интенсивность и длительное сохранение двигательной активности.

Катя Т., 4 месяца 28 дней.

Девочка кажется возбужденной, движет ручками и ножками, разбрасывая их в стороны, легко взмахивая ими, как крыльями. Затем довольно ловко хватает свои ножки и резким движением подтягивает их к животику. Такое впечатление, что она старается, охватывая саму себя, как-то удержать отдельные части своего тела вместе. 5-7 секунд она остается в таком положении, а затем отпускает ножки. (Эту игру с телом она часто повторяет, оставшись одна и практически всегда во время засыпания.) После этого она ловко переворачивается на животик, высоко и уверенно держит голову, смотрит впереди себя, видит прутья кровати, затем вновь переворачивается на спину. Подходит няня из соседней группы, смотрит на девочку молча. Катя почти сразу отворачивается, смотрит в сторону. Няня говорит ей: «Катя!» И кивает при этом, что кажется аналогично вопросу: «Как дела?» Не получив ответа, ласково, но уже более громко (настойчиво) она спрашивает: «Катя! Ну что же ты отвернулась, а?». Катя, не меняя положения, вдруг как-то неожиданно начинает сосать два пальца. Разочаровавшись, так и не дождавшись ни

взгляда, ни отклика, няня отходит от девочки.

Из описания видно, как виртуозно владеет девочка собственным телом: она ловко старается удержать отдельные его части вместе. Игра часто повторяется, что говорит о ее сильной эмоциональной насыщенности и явном удовольствии от движений. С другой стороны, та же игра связана с процессом интеграции в отсутствие удерживающего начала извне. Движения помогают девочке принять позицию, которую обычно занимает младенец на руках матери. Такое мастерство создает, по словам Э.Бик, своеобразную «мускульную скорлупу» (Bick, 1986). Эта вторичная кожа выполняет интегративную функцию в отношении отдельных частей тела вместо обычной, то есть первичной кожи. Так как кожа ребенка на данном этапе выполняет ту же функцию и по отношению к отдельным частям личности, то можно сказать, что в условиях материнской депривации младенец формирует иные, нежели в ситуации удерживания на руках (в материнских объятиях), границы собственного «контейнера» (Bion, 1959).

В то же время девочка не откликается на свое имя, избегает зрительного контакта с няней. При усилении активности взрослого у ребенка усиливается оральное поведение, и, в конце концов, она отворачивается, что, видимо, помогает снять тревогу, возникшую при появлении «мало знакомого» взрослого. Таким образом, ребенок отказывается от установления связи с новым объектом – в данном случае, с няней, обращение которой оказалось, возможно, «сверхсильным раздражителем». Тревожность препятствует установлению контакта, и Катя привычным образом «занимает себя» сама – играет с собственным телом, сосет свои пальцы. Так она использует отдельные части тела в качестве парциального объекта, который одновременно выполняет и функции «переходного объекта» (Winnicott, 1951). Здесь так же, как и в других ситуациях повседневной жизни этих детей, проявляется тенденция к фиксации «аутичных» форм интеграции с присущим им успокаивающим, снимающим тревогу эффектом.

Снижение инициативности и любопытства

В группе младенцев из дома ребенка мы наблюдали заметное снижение всех видов активности, особенно во втором полугодии первого года жизни, когда материнские дети становятся все более активными и любопытными. Исследовательские действия у младенцев из приюта часто бывают кратковременными и поверхностными. Так, дети легко переключают внимание с игрушки, которой они занимаются, на другие, находящиеся в поле зрения. Они редко исследуют что-нибудь по собственной инициативе. Помимо всего прочего, этому не способствует бедная и однообразная обстановка их манежей. Без активного, постоянного участия взрослого исследование новых предметов почти невозможно. Дети быстро теряют интерес к предмету (игрушке), однако могут долго и внимательно наблюдать за манипуляциями взрослого, находящегося в

поле зрения. Сопоставим поведение материнского и «отказного» младенцев одинакового возраста приблизительно в одинаковой ситуации:

Игорь М., 2 месяца 19 дней, помещен в дом ребенка на 14-й день после рождения.

Няня молча взяла мальчика из коляски и, положив его на правую руку, начала кормить из бутылочки. Ребенок сжал оба кулачка и сложил их на груди, не глядя на нее. Он сосал из бутылочки смесь, очень ровно, спокойно, не отводя взгляда от няниного лица. Она же, не глядя на ребенка, продолжала разговаривать с другой няней. Игорь отвел взгляд и до конца кормления более не обращал на няню никакого внимания. Он спокойно, не проявляя беспокойства, закончил кушать смесь из бутылочки. Окончание сосания не маркировано никакими внешними изменениями в поведении. Няня перенесла его на стол, передела. Он по-прежнему молчал и не сопротивлялся ни переодеванию, ни перемене положения.

Миша Г., 2 месяца 4 дня, воспитывается в семье.

Миша поднимает головку, хватает ручками воздух и берет большие пальцы наблюдателя. Все выглядит так, как будто он их долго и внимательно рассматривает. Он оживляется, приподнимается, потом плюхается назад, но удерживает пальцы наблюдателя крепко в своей руке. Правой рукой хватает воздух и тянется к волосам наблюдателя. Миша касается всего руками, губами, взглядом и как будто бы понимает, что он может достать другие, интересные для себя объекты сам, а не только при помощи находящегося вблизи взрослого.

Материнский ребенок (Миша Г.) выглядит активным субъектом действия, младенец из дома ребенка – пассивным, подчиняемым объектом. Легко представить, что, «захватывая предмет, ребенок получает возможность притянуть или оттолкнуть его от себя, то есть он может по своему усмотрению и желанию установить желанную связь или/и прервать нежелательную» (Hamilton, 1982). В данной ситуации хватание и дотягивание до желанной цели являются основой для дальнейших интенциональных действий, во время которых младенец обнаруживает различные измерения в себе и в объекте.

В группе отказных детей мы провели ряд проб по карте психомоторного развития (Баженова, 1983). Анализ показателей по таким пунктам, как «поиск спрятанной игрушки», «поиск наполовину спрятанной игрушки», «реакция на исчезающий объект», «направление ручек к объекту», «реагирование на неудачу», показал, что связи, которые ребенок устанавливает с неживыми объектами – игрушками, слишком слабы, а поведение его слишком пассивно, по сравнению с материнским малышом (Солоед, 1998).

Известно, что в случаях, когда младенец активен в поиске, захвате и манипуляциях с первыми предметами своего окружения, он успешнее и

быстрее приобретает знания о трехмерном мире. Это помогает ему лучше и быстрее дифференцировать себя и объект, внутреннее и внешнее, уже интроецированное и еще «остающееся снаружи» (Hamilton, 1982). Недостаточная активность в овладении предметом, наоборот, замедляет отделение себя от объекта. У малышей из дома ребенка когнитивное развитие задержано, а исследовательское поведение напоминает таковое у детей, страдающих аутизмом. По мнению Д.Мельтцера, в подобных случаях уместно говорить о состоянии двухмерности, при котором «фантазирование, сила воображения значительно обеднены, а процессы изменения, прекращения и развития делаются совершенно невысказанными: время переживается как циркулирующее, без начала и конца» (Meltzer, 1975; цит. по: Lazar, 1987).

Возвращаясь к нашей теме, паттерн поведения, присущий «отказным» младенцам, можно назвать *скользящим исследованием*, так как малыш быстро, мимолетно, в буквальном смысле слова скользит по поверхности исследуемого объекта. Приведем типичный пример.

Женя Ф., 12 месяцев, оставлен матерью на третий день после рождения, воспитывается в доме ребенка с 4-недельного возраста.

Женя видит перед собой куклу, которую посадила перед ним няня, улыбается, дотрагивается до носика, глаз, но сразу убирает руку, и вновь возвращается к собственным пальцам, рассматривает их и периодически сосет. Няня предлагает новую игру. Она кладет игрушку – резинового зайчика – под платок и говорит: «Смотри, где зайчик?» Женя с интересом ползет к спрятанной под платком игрушке, приоткрывает платок наполовину и, так и не добравшись до игрушки, вдруг разворачивается, направляясь в обратную сторону. Он активно ползет по большому манежу к другому мальчику, отнимает у него погремушки. Держа одну из них, трясет, не глядя на игрушку, это длится несколько секунд, потом бросает, не провожая взглядом и не выражая интереса, хотя она падает, сильно звеня.

Из повседневных наблюдений за Женей Ф. известно, что в ситуации выбора между привычными и новыми игрушками он всегда выбирает хорошо знакомые ему кольца, удостоив новые игрушки (включая куклу) лишь кратковременным взглядом. Он может подолгу играть с хорошо знакомыми игрушками, совершая с ними привычные (как правило, стереотипные) действия, например, переключать кольца из одного ведерка в другое. Таким образом, однажды зафиксированный образ действия представляет собой стереотипную игру, а внимание к чему-то новому можно привлечь, лишь прилагая усилия извне. Трудно сказать точно, является ли в данном случае отношение к новым объектам результатом тревоги, отсутствием интереса или наличием обеих тенденций одновременно. Однако так же, как и в случае с двигательными стереотипиями, возвращение к уже знакомым объектам, однообразные манипуляции с

ними и отказ от новых действий и столкновений с неизвестными объектами явно выполняет защитную, охраняющую функцию.

Зависимость состояния ребенка от постоянства внешнего окружения

Когда в доме ребенка детей в возрасте года и старше на время помещают в новую для них комнату, они, как правило, очень пугаются: плачут, цепляются за взрослого, ни за что не хотят оставаться в одиночестве, сосут палец или соску. У одной годовалой девочки, пережившей такое относительно кратковременное переселение, мы наблюдали отчетливую депрессивную симптоматику: повышение раздражительности, плаксивости, снижение аппетита, трудности засыпания. Даже по прошествии трех-четырех недель после возвращения в привычную обстановку она все еще оставалась безразличной, совершенно не интересовалась игрушками, утратила аппетит.

Наблюдения позволяют предположить, что изменение непосредственного окружения ребенка (смена не только помещения, но даже кроватки) часто переживаются им как утрата чего-то чрезвычайно важного. Видимо, в подобных случаях так же, как и при разлучении с матерью, усиливаются тревожность и ощущение ненадежности окружающего мира. Непосредственное окружение ребенка перестает выполнять функцию «контейнера». У «отказных» младенцев такое поведение наблюдается гораздо чаще, чем у материнских, что, сравнительно с последними, подтверждает большую значимость для них стабильного внешнего окружения. По-видимому, эта повышенная зависимость от окружающей обстановки связана с тем, что она выполняет функции «контейнирования» в отсутствие других «гарантов стабильности».

Низкая толерантность к разлучению

Поведение младенца в ситуации кратковременного разлучения с матерью (или ее заместителем) показывает, как он справляется с сепарационной тревогой. После появления на свет новорожденный находится в поиске опор, способных заменить ставшее до рождения привычным и недостающее теперь материнское тело и удержать свою физическую и психологическую целостность. Он «ожидает», ищет его и обретает в контакте с материнскими руками, коленями, в ее голосе, взгляде и, прежде всего, в материнской груди, дающей не только молоко, но и жизненно важное для выживания младенца внутреннее тепло и ощущение безопасности. В первые дни после рождения хорошая мать, по определению Д. Винникотта, сама регулирует ощущения, раздражения, поступающие из внешнего мира, и определяет степень вмешательства ощущений, относящихся к «не-Я» (Winnicott, 1956). И в этом «постнатальном материнском теле» ребенок развивает «ощущение собственного Я» (Stern, 1985), отличающееся от «не-Я», и становится самостоятельным индивидом. От того, насколько благоприятно и плавно

протекает этот процесс, в решающей степени зависит дальнейшее развитие душевного здоровья ребенка (Mahler, 1975). По мнению М. Малер, ощущение телесного разрыва с матерью означает конец взаимопроникающего единства. На его месте возникает двойственность, расщепление, «дыра», которую ребенок должен преодолеть при помощи тех немногих средств, что имеются в его распоряжении. В этом заключается сущность преодоления расставания с любимыми (хорошими) объектами. Этому преодолению ребенок обучается постепенно в ходе взросления. При благополучном развитии детско-материнских отношений он привыкает осознавать свою физическую отдаленность и отдельность от матери, а также обучается справляться с одиночеством.

В условиях приюта процесс отделения протекает настолько рано, резко и преждевременно, что малыш «вынужден мобилизовать мощные защитные механизмы для того, чтобы избежать боли, причиняемой ему разлукой или сменой материнских заместителей» (Mahler, 1975).

Когда ребенка четырех-семимесячного возраста мать на время оставляет одного, даже кратковременная разлука вызывает у него сильную эмоциональную реакцию: он плачет, обнаружив ее отсутствие, следит за ней глазами, когда она готовится к уходу, и успокаивается сразу после ее возвращения. На его поведение сильно влияет качество привязанности к объекту. Чем сильнее ребенок привязан к матери (или ее заместителю), тем более сильную реакцию должен вызывать ее уход, чем слабее установленная к этому моменту эмоциональная связь, тем слабее реакция на исчезновение матери. По достижении семи месяцев, по мере того как ребенок постепенно интериоризует хороший объект, сепарационная тревожность снижается. И тогда страх в момент разлучения тем меньше, чем лучше и прочнее интериоризованы качества хорошего объекта.

Р. Лазар считает, что в момент оставления матерью у ребенка возникает «внутренняя опасность», так как под угрозой находится его внутренний мир (Lazar, 1987). Интроекция хорошего объекта продвинулась еще недостаточно, и у него нет внутренних сил и опыта, которые могут этой угрозе противостоять. Когда хороший внутренний объект исчезает, на его место заступает угрожающий. Возникающий страх должен быть переработан и ослаблен через расщепление и проекцию вовне, он должен быть размещен во внешнем объекте. Если же этот объект не предоставлен, то страх усиливается, а угроза возрастает.

Ребенок, не «овладевший» хорошим объектом, или внутренним представлением о «хорошей груди» в терминологии клейнианцев, самостоятельно не может пережить то время, на которое мать покинула его. Он не в состоянии с помощью своих собственных внутренних ресурсов предвосхитить ее возвращение, так же, как и не способен уже имеющиеся хорошие черты своего внутреннего объекта перенести на другие внешние объекты. Так, в одном из случаев – Кати М., который более подробно излагается ниже, девочка замечает, что все предоставляемые ей внешние

объекты являются иными, не теми, которых она ждет. Она боится, потому что объекты, ее окружающие, не имеют качеств материнского и не обеспечивают того ощущения безопасности, которое дает мать.

По мнению М.Кляйн, формирование целостного представления об объекте, когда и хорошая и плохая части концентрируются в одном человеке – матери, завершается у домашних детей к шести-семи месяцам. По мере этого, теоретически, сепарационная тревога должна уменьшаться. У младенца из дома ребенка интериоризации хорошего объекта не происходит. Объект остается расщепленным на хорошую и плохую части. В этой ситуации тревожность не снижается, оставаясь почти на прежнем высоком уровне. Если рядом с младенцем находится понимающий и синтонный взрослый, это позволит ему более успешно справляться с сепарационной тревогой. Если мать (или ее заместители) в состоянии воспринять и разделить угрожающие ребенку страх и боль разлуки, принять его враждебные проекции, тот может выразить свои болезненные переживания наружу и действительно их прочувствовать. Если же это состояние не признается, насильственно отвергается, оно сохраняется в душе ребенка и может нанести ему огромный ущерб (*Lazar, 1987*). Как доказывают наблюдения за «отказными» детьми, неприятие их переживаний усиливает их тревожность и тенденцию к отчуждению от внешнего мира.

Представляется, что у материнских детей страх разлуки, по большей мере, связан с исчезновением любимого объекта и опасением потерять именно этот конкретный объект. Они страдают, когда их матери уходят, и радуются, когда они возвращаются. И поскольку подобная интенсивность переживаний, за редким исключением, относится именно к матери, можно утверждать, что это, действительно, особая, направленная на нее реакция. У отказного ребенка в подобной ситуации возникает, скорее, реакция неопредмеченного страха. Это – тревога, не привязанная к конкретной персоне. Мы часто наблюдали в доме ребенка, как тревога повышается всякий раз в момент разлучения с взрослым, даже если этот взрослый общался с ребенком непродолжительное время (иногда в течение нескольких минут). Эта особенность кажется парадоксальной, если учесть, что с самого рождения периоды пребывания в одиночестве у малыша из дома ребенка несравнимо более длительны, чем у материнского младенца. Казалось бы, он должен выработать более «безразличное» поведение. Мы же постоянно наблюдаем готовность установить связь с любимым «квазиматеринским» объектом и страдание от того, что этот объект его покидает. В этих случаях ребенок склонен проявлять так называемую «прилипчивую идентификацию» (*E.Bick, 1968*). Подобная неразборчивость в выборе объекта свидетельствует о том, что ребенок находится на ранней, дообъектной стадии, когда мать еще не стала единственным предпочтительным объектом.

Нарушение протекания симбиотических отношений у

депривированных младенцев заключается в том, что связи, образованные с первыми объектами их привязанности, слишком слабы. В этом случае, по мнению М. Малера, ребенок не может положиться на взрослого как на надежного партнера по симбиозу и должен большую часть материнской «работы» выполнить самостоятельно, то есть «удочерить» или «усыновить» самого себя. Для этого младенец использует в качестве вспомогательного средства лишь свои собственные ресурсы, которые слишком малы и несовершенны, что препятствует формированию первичного доверия к окружающему миру и делает детей чрезмерно уязвимыми к любого рода фрустрации (Mahler, 1975). Данный вывод подтверждается также результатами наблюдений за «отказными» младенцами в ситуации появления незнакомого взрослого.

Трудности при выборе единственного объекта привязанности

К основным признакам, свидетельствующим о выделении младенцем матери (или ее заместителя), среди прочего относятся:

- а) более яркий, чем в отношении других, эмоциональный отклик на ее появление в поле зрения ребенка или на обращение к нему;
- б) возникновение ориентировочной реакции в момент, когда она его оставляет;
- в) снижение настроения при расставании;
- г) негативная реакция на появление незнакомого взрослого.

Приведем наблюдение за Машей М., в котором видны особенности выделения и предпочтения единственного объекта у младенцев из приюта.

Маша М., 5 месяцев, находится в доме ребенка с 3-недельного возраста.

Я впервые вижу девочку. Она внимательно смотрит на меня, когда я приближаюсь к ее кровати. Несколько минут стою рядом, находясь в поле ее зрения, затем беру на руки. Она смотрит на мое лицо, прикасается ручками к халату, на мою улыбку слабо улыбается в ответ. Обращаюсь к ней несколько раз по имени. Она гулит в ответ, открывает ротик, делает им хватательные движения, продолжая смотреть на мое лицо и на движущиеся губы. Я держу ее в вертикальном положении, она прижимается ко мне и затихает. Метрах в двух от нас появляется няня, которая начинает играть с девочкой, то появляясь, то прячась за дверь, говоря при этом «ку-ку». Девочка оживляется, пристально глядя на то место, где появляется нянино лицо, и выглядит удивленной. Медсестра, ухаживающая за девочкой, приходит, чтобы переодеть малышку. После того, как я кладу ее в кровать, она плачет. Затем медсестра берет девочку, чтобы переодеть. Находясь на ее руках, ребенок улыбается и начинает гулить, становится заметно активнее, чем во время пребывания на моих руках. После переодевания Маша остается лежать на столике. Она не гулит, не улыбается и почти сразу после ухода медсестры начинает сосать палец. Появляется другая медсестра (она не ухаживает за девочкой,

но приходит часто, чтобы поиграть с ней, любит общаться с малышкой и даже дала ей «свое» особое имя, не совпадающее с действительным). Она держит девочку на руках, затем кладет ее на спинку и говорит: «Давай учиться переворачиваться», помогая ей перевернуться. Девочка поддается ее рукам, но попыток перевернуться самостоятельно не предпринимает. Женщина повторяет несколько раз это движение, говоря: «Ну вот, так лучше. А то ведь лежишь, совсем не двигаешься, так и совсем можешь разлентиться. Да?» – уже обращаясь к девочке. Та смотрит на женщину, сосредоточившись. Кажется, что после того, как она совершенно неожиданно для себя училась переворачиваться, у нее возникло ощущение некоторой растерянности. Затем медсестра снова укладывает девочку в кроватку и отходит. Ребенок плачет в течение нескольких минут, потом плач переходит в хныканье и постепенно девочка успокаивается.

Катя М., материнский ребенок, 4,5 месяца.

Мама держит Катю, глядя ее по головке. Девочка теревит халат на ее груди. Мама встает, для того чтобы уйти, протягивает девочку наблюдателю (психологу): «Подержите ее», одновременно обращаясь к девочке: «Сейчас, Катюша, я приду». Бережно передает девочку. Наблюдатель берет девочку под мышки, лицом к себе, и усаживает на левое колено, а правой рукой придерживает за живот. Малышка сидит так две минуты, потом начинает хныкать, ерзать на коленях, прогибается назад, отворачивается. Наблюдатель покачивает ее на коленях, пытается успокоить голосом, но это не помогает. Мама, проходя мимо, дает ей погремушку. Девочка тянет руки, хватается погремушку, тянет ее ко рту. Она старается укунить на игрушке шарик. Потом отпускает ее, сидит с недовольным видом, кажется, что она вот-вот заплачет, затем хватается за руку наблюдателя двумя своими, тянет ее ко рту, пытается укунить за свитер в области запястья. Поняв, что это не то, что ей нужно, начинает брыкаться и плакать. Мама со словами «Ну, моя маленькая, не плачь, вот и мама снова пришла», подходит и берет Катю на руки. Девочка успокаивается, прижавшись к маминому плечу. Мама, погладив ее по спинке, поворачивает ее опять боком, покачивает и разговаривает с ней. «Ну, что же ты так расстроилась, когда мама ушла, а? Заскучала, да? Заскучала, маленькая моя. Ну, ничего, сейчас мы с тобой посмотрим, что это у нас тут такое. Да? Давай?» Катя расширяет глазки, раскрывает ротик и смотрит на меня, затем на маму и широко ей улыбается. Мама показывает ей маленького мишку.

Очевидны существенные различия в том, как дети ведут себя с близким ухаживающим взрослым и с незнакомкой. Различается также и поведение взрослых. Специфические особенности, отличающие поведение матери и обслуживающего персонала, представлены в таблице 1.

Таблица 1

	<i>Особенности поведения матери</i>	<i>Особенности поведения ухаживающего персонала в</i>
	Сопровождает свой уход и возвращение особыми	Особые слова-метки отсутствуют
	Отсутствует относительно короткие периоды времени (в общинной)	Может длительно отсутствовать
	Является постоянным объектом	Различные заместители матери
	Ориентируется на потребности ребенка после возвращения	Ориентируется на потребности ребенка после возвращения

Сопоставим поведение детей в той же ситуации (см. табл. 2).

Таблица 2

	<i>Особенности поведения ребенка</i>	<i>Особенности поведения ребенка из</i>
	Проявляет ориентировочную реакцию после ухода матери	Ориентировочная реакция отсутствует
	Протестует при попытках иных лиц заменить мать	Протест при замещении одного ухаживающего лица другими
	Активен во время зрительного	Пассивен зрительный поиск няни
	Активно проявляет агрессию	Использует аутоэротические действия для самоутешения
	Особенно активен во время привратения матери	Пассивен либо слабо выражает активности во время появления

Из приведенного сравнения видно, что мать придает временной разлуке с ребенком и своему возвращению иное значение, чем няня. Она сопровождает эти события такими словами и эмоциональными реакциями, которые адекватны ситуации и не носят внезапного характера. Эмоции, проявляемые ребенком в момент ухода матери, также «означаются», вербализируются ею. Сравнение двух групп показывает, что подобное «означение» матерью своего ухода снижает тревожность младенца и служит элементарным условно-рефлекторным подкреплением ситуации «ухода-возвращения». Иными словами, подготовленный уход связывается с ожиданием появления. Внезапный, ничем не «обозначенный» со стороны матери уход не связывается (либо связывается очень слабо) с ожиданием возвращения значимого лица. Об этом также свидетельствует активный зрительный поиск ушедшей матери у материнского младенца и обращение к самому себе почти сразу вслед за исчезновением няни у младенца из дома ребенка.

Кроме всего прочего, очевидно, что ситуация расставания провоцирует усиление привязанности. Поведение материнского младенца является собой доказательство более сильной привязанности к единственному объекту – матери, заметное уже в возрасте пяти месяцев. Между тем, большинство младенцев из приюта не демонстрируют подобного предпочтения какой-либо одной определенной няне. Исключение составляют

лишь те дети, которым удастся сформировать отношения привязанности с единственным объектом благодаря особому расположению ухаживающего взрослого. Во время возвращения мать ориентируется на потребности ребенка, что обычно выражается в словах приветствия и вопросах, имеющих общий смысл «как ты здесь без меня?» Естественно, подобное обращение к ребенку вызывает у него выраженный эмоциональный отклик. Ориентация только на физическое состояние ребенка (например, появление лишь для очередной смены пеленок) в отсутствие речевого сопровождения не формирует у младенца ожидания того, что новое появление взрослого несет с собой радость общения. Так пассивность взрослого порождает ответную пассивность младенца.

Обсуждение результатов

Особенности объектных отношений на предобъектной стадии (от 0 до 3 месяцев жизни)

Дети из дома ребенка нередко имеют печальную «предысторию» еще до своего рождения. Они часто бывают нежеланными, и около 80% из них рождаются преждевременно. Иными словами, их физическое и психологическое единство с матерью прерывается раньше положенного срока, что делает детей более уязвимыми как в физиологическом, так и в психологическом отношении. Этим фактором, в частности, объясняется сохранение в данной популяции более высокого, сравнительно с материнскими детьми, уровня тревожности, а также частота состояний, которые Д. Винникотт называл дезинтеграцией (*Winnicott, 1945*). Как в ранний постнатальный период, так и позднее эти младенцы испытывают дефицит переживаний, возникающих во время таких привычных для материнских детей действий, как держание на руках, покачивание, прижимания, сосание груди или соски, речевые обращения, движения, задаваемые взрослым. Недостаток проприоцептивных и экстероцептивных ощущений от целого тела и его поверхности ведет к снижению у ребенка положительного аффективного фона, эмоционального тонуса, а также к задержке развития первых – физических – границ личности.

Сразу после рождения младенец пока еще не переживает все, что находится во внешнем мире и связано с удовлетворением его потребностей, как часть самого себя, своего тела. Ему не хватает не просто психологической структурированности, но психологических и соматических границ. Только постепенно он обучается воспринимать собственное тело и собственные действия как свои собственные. Отсутствие тактильного контакта не позволяет ему развить так называемую первичную идентификацию.

В первые недели жизни, когда ребенок поглощен своими ощущениями, прежде всего проприоцептивными, порог восприятия внешних стимулов повышен. Однако, на втором месяце жизни зарождающееся «Я» ребенка дополняется своего рода социальным симбиозом, возникающем в

процессе связи, которая образуется в результате материнского ухода. Во время ухода за ребенком у него постепенно происходит смещение внимания от внутренних сигналов тела (прежде всего висцеральных органов) к его периферии. Такого рода смещение от проприо-энтероцептивного типа к сенсорно-перцептивному восприятию – важнейший шаг в развитии телесного «Я» (Greenacre, 1945).

После тесного единства и полной зависимости от матери происходит постепенное отделение, облегчающее дальнейшую адаптацию ребенка и функционирование его зарождающегося «Я». Вынужденное преждевременное отделение от материнского объекта приводит к тому, что у ребенка слишком медленно формируется ощущение самого себя как субъекта деятельности. И уже к концу третьего месяца жизни данная тенденция проявляется в меньшем, по сравнению с материнскими детьми, интересе к событиям окружающего мира, в отсутствии собственной инициативы в общении и исследовании реальности, в недостаточной двигательной активности. Различия между материнскими детьми и младенцами из дома ребенка в этот период пока еще незначительны и практически неуловимы при помощи количественных методов. Нюансы указанных различий обнаруживают себя лишь в постоянном, каждодневном наблюдении за поведением ребенка в ситуациях взаимодействия с ухаживающими лицами.

Объектные отношения на стадии построения объекта (период от 3 до 6 месяцев)

В этот период происходит связывание сильных эмоциональных переживаний ребенка с внешним объектом – удовлетворяющей его матерью (или ее заместителем), которая приобретает модус внешней репрезентации инстинкта жизни. Интроекция хорошего объекта усиливает жизнелюбие самого ребенка, формирует витальную часть его «Я» (Klein, 1946). Постепенно он все больше воспринимает мать и интроецирует ее как целую личность. Это ведет к более полной идентификации и более стабильной связи с ней. Несмотря на то, что эти процессы в основном сфокусированы на матери, они же происходят и в отношении отца и других ухаживающих лиц. В процессе длительного и интенсивного приобщения малыша к предметам и событиям окружающего мира, крепнут его любовь и любознательность, зарождается активная позиция по отношению к миру. И, напротив, отсутствие упроченного представления о внутреннем надежном, защищающем объекте приводит к снижению жизнелюбия, любознательности, что сопровождается нарастанием пассивности и отгороженности от окружения.

В этот период материнский ребенок начинает распознавать уникальность материнских черт. Оставаясь наедине с незнакомцем, он понимает, что это не мать. Он начинает двигаться, чтобы «разрядить» возникшее напряжение, либо отворачивается, избегая зрительного контакта. После возвращения матери и обретения им чувства безопасности к нему

возвращается способность к изучению (рассматриванию) незнакомца. В случае, если это вызывает тревогу, он не может ни уйти, ни убежать, и использует доступные средства «ухода от преследования» – начинает активнее двигать ручками и ножками, отворачивает лицо или даже засыпает.

У отказных младенцев присвоение хорошего объекта и связанного с ним ощущения внутренней целостности выражено значительно слабее. Поэтому им недостаточно лишь голоса или взгляда ухаживающего взрослого для достижения состояния интеграции. Они долгое время остаются зависимыми от тактильного, непосредственного контакта с ухаживающими лицами. Ощущение ими собственного тела и осознание собственной активности как чего-то целостного происходит медленнее, чем у материнских детей. Порой они производят впечатление космонавтов, находящихся в невесомости. Утрату таких внешних удерживающих границ отчетливо демонстрирует феномен «застывших эмоций», когда дети кажутся абсолютно бесчувственными. Кажется, что состояние статуи, замирание и прекращение движений помогает младенцам из дома малютки избежать любого возможного болезненного воздействия извне (*Spitz, 1946a*).

Можно предположить, что отчуждение от объектов внешнего мира постепенно прогрессирует и проявляется на данной стадии в снижении интенсивности положительного отклика на вербальное обращение и улыбку взрослого, а также в слабой потребности к разделению эмоций в процессе общения с взрослым. Другой его важный аспект – образование внутренних удерживающих границ, или создание мускульной скорлупы (*Bick, 1968*). В подобном случае, как это ни парадоксально, стереотипные движения так же, как и замирание, освобождают ребенка от напряжения при столкновении с препятствием или чем-то пугающим, угрожающим, болезненным.

Объектные отношения после 6 месяцев

Для лучшего понимания особенностей объектных отношений на данной стадии мы исследовали поведение младенцев во время общения с взрослым в так называемой ситуации «лицом к лицу» (*face-to-face situation*). Анализ реакций на неподвижное лицо взрослого во втором полугодии первого года жизни показал нарастание апатии, упрочение избегающих форм поведения, ослабление мотивации к общению, увеличение аутоэротических движений, усиление фиксации на собственном теле. Известно, что количество и интенсивность действий ребенка возрастают по мере увеличения готовности партнера активно отвечать на них. В случае пассивного обхождения с ребенком равнодушие к ухаживающему взрослому усиливается. Это отчетливо проявляется в снижении познавательной активности, отсутствии побуждения к действиям, неразвитой способности к подражанию, трудностях в усвоении совместных способов предметных и игровых действий.

В идеале, у материнского ребенка процессы расщепления объекта на хороший и плохой постепенно уменьшаются. Ребенок постепенно начинает воспринимать мать как нечто целое, а не просто как пару рук, которые его берут. Он становится более зависимым от матери как от целостной личности (Klein, 1946). Как следствие, в момент ее ухода или при внезапной смене ее обычного поведения у ребенка возрастает страх. У него обостряется потребность в наблюдении за матерью и в изменении своего положения, для того чтобы постоянно держать ее в поле зрения. Если мать оставляет его, он чувствует себя тревожно, как будто хороший объект не был вполне интернализирован. И вновь обретает интегрированное состояние, когда слышит звук материнского голоса, или видит, что она вновь возвращается к привычному для него общению. Ребенок все еще зависит от внешнего объекта, который должен поддерживать его внутреннюю целостность. Однако эта зависимость выражена несравненно больше у отказного ребенка, чье представление о целостности объекта неустойчиво и легко регрессирует на стадию частичного объекта. Вместо интериоризации «хороших» качеств объекта у младенцев из дома ребенка развивается своего рода зависимость от взрослого: у него обостряется потребность в постоянном (в идеале) присутствии ухаживающего взрослого рядом. С одной стороны, физический контакт помогает утолить малышу сенсорный голод, с другой – он служит удовлетворению сохранившейся еще потребности в подтверждении своей целостности извне, как и в получении извне ощущения безопасности и защиты. У младенцев из дома ребенка в противоречивом единстве сосуществуют своего рода тактильная зависимость и психологическое отчуждение от ухаживающих взрослых: ребенок не распознает существенных психологических особенностей и различий в тех, с кем он общается.

Влияние специфического внешнего окружения на развитие объектных отношений

Возможные истоки наблюдаемых особенностей поведения у младенцев лежат в особенностях ухода за ними. В доме ребенка младенец находится в ситуации «семерых нянек», когда каждая из них ухаживает за ребенком от трети суток до суток, отсутствуя затем по два-три дня. Таким образом, ребенок постоянно имеет дело с совершенно разными лицами, выполняющими материнские функции, и с разными качествами этих людей. Образно говоря, один материнский объект вбирает в себя свойства сразу нескольких объектов. В этом случае, даже если допустить, что все ухаживающие за ребенком взрослые относятся к нему вполне доброжелательно, формирование представления о мире как об устойчивом окружении будет, по меньшей мере, замедлено. Еще Р.Шпиц писал о том, что постоянная смена воспитательниц препятствует нормальному построению исходного, первичного объекта (Spitz, 1992). Такое положение вещей приводит к тому, что в памяти ребенка одновременно сосуществуют противоречивые представления об объекте. Запас

воспоминаний младенца оказывается плохо пригодным для того, чтобы связаться с одним-единственным, целостным объектом любви. Такой опыт переживаний препятствует успешному созданию представления об объекте, который остается во времени и в пространстве идентичным самому себе.

Решающим моментом в душевной жизни младенца является кормление. Так как в доме ребенка всех детей кормят в одно и то же время, естественный, то есть собственный ритм каждого из них игнорируется. Акт кормления начинает подчиняться жестким требованиям внешнего мира. Во-первых, это усиливает пассивность ребенка, препятствуя формированию в нем ощущения собственной способности влиять на ход событий; затрудняется и образование так называемого контингентного опыта, основанного на стабильности ожиданий (H. & M. Papousek, 1975). Во-вторых, объект, дающий пищу и питье, обретает черты всемогущества, закладывая основу дальнейшей зависимости ребенка от его окружения. Катамнестические данные хорошо иллюстрируют, каким барьером становится эта особенность в процессе дальнейшего формирования сильного «Я». У бывших воспитанников приютов это выливается в неумение (а точнее, нежелание) брать ответственность на себя, пассивное ожидание благ от окружения, отсутствие собственных активных требований. В-третьих, происходит фиксация пассивного отношения к заместителям матери, потенциально способных удовлетворить насущные потребности ребенка в пище и защите. У материнского ребенка потребности удовлетворяются по мере их активного проявления, и тем самым утверждается право на их существование. Непосредственное, а не отставленное удовлетворение потребностей, в том числе в пище, тепле и защите, дает силы зарождающемуся «Я» ребенка. Мать, которая не боится требований малыша, проявляет терпение и в своих комментариях, по ходу дела, успокаивает его, тем самым уменьшая его тревожность и страх быть поглощенным собственными агрессивными импульсами. Она как бы выступает гарантом зарождающейся веры ребенка в то, что он способен справиться с такими состояниями самостоятельно, что также ведет к укреплению его зарождающегося «Я». В случае с приютскими детьми, когда удовлетворение потребностей подчиняется строгим правилам распорядка, а оральные потребности часто фрустрируются, формируется беспомощная, пассивная позиция ожидания благ (материальных или символических) от родительских фигур и в дальнейшем от их представителей в обществе (так же, как и от самого общества в целом).

В ситуации фрустрации пищевой потребности у ребенка нет оснований для формирования устойчивого представления о том, что в его жизни реально существует источник пищи (и удовольствия), который может быть предоставлен в тот момент, когда он наиболее всего желанен. Материнский объект, «материнская грудь» предстает в этом случае в фантазии ребенка как плохая, или злая, не любящая его (Klein, 1946).

«Идеальная мать» ведет себя в ситуации кормления особо: кормит, как только ребенок того хочет, создает условия интимного общения, обняв его в положении «под грудью», психологически полностью настраивается на него, периодически комментирует происходящее с ребенком или обращается к нему с речью. В доме ребенка данный паттерн поведения возникает относительно редко. Анализ наблюдений показал, что ребенок во время кормления часто выглядит равнодушным к тому, кто его кормит, и тогда кормление утрачивает одну из важнейших своих составляющих – взаимобмен положительными эмоциональными посланиями в ситуации, переживаемой младенцем как момент максимальной близости с ухаживающим взрослым.

Фактически мы описали выше, как нарушается процесс принятия, сохранения и переработки душевных переживаний ребенка в ситуации материнской депривации. Ухаживающие за ребенком взрослые ввиду различных причин не могут справиться с важнейшими психологическими функциями, которые обычно выполняет мать. В большинстве своем няни не в состоянии идентифицироваться с малышом, у них отсутствует ощущение истинной близости с ним, а мотивация в распознавании его душевных переживаний слишком слаба, чтобы можно было о ней говорить. Уход за ребенком часто сводится к удовлетворению вегетативных потребностей, в то время как психологические – игнорируются. Когда возникающие у детей страхи не разделяются взрослым, они неизбежно усиливаются. В таких случаях, по мнению М.Кляйн, создаются благоприятные условия для развития деструктивных фантазий (*Klein*, 1946). Эти теоретические представления, на наш взгляд, могут служить основой, объясняющей ряд особенностей, весьма характерных для эмоционального статуса младенцев из приюта. Имеются в виду такие черты, как быстрое и легкое наступление состояний дезинтеграции и тревоги, низкая толерантность в условиях фрустрации физиологических потребностей, повышенная готовность к паническим реакциям, резкое падение настроения или реакция избегания в ситуациях, когда ребенок сталкивается с новыми предметами и людьми и др.

Дефицит эмоциональной привязанности в нашем случае связан с недостатком словесного общения. Хорошо известно, что слова, при помощи которых мать комментирует происходящее с ребенком, и мелодия ее речи являются важнейшим фактором интеграции всех психических процессов ребенка. Так, ребенок оживляется зрительно, его глаза приходят в движение, он зажмуривается и расслабляет веки, откликается улыбкой, когда слышит материнский голос. Эта реакция на звук материнской речи есть ни что иное, как начало контакта. Для ребенка звучание ее голоса может означать, что мать «прикасается» к нему, несмотря на то, что коммуникация не является телесно ощутимой и протекает на дистанции лишь посредством слов.

У материнского ребенка постепенно формируется положительный

опыт узнавания и предвосхищения действий матери, опосредствованных определенным голосовым сопровождением. Когда уход за ребенком осуществляется в молчании, он не получает подтверждения тому, что с ним происходит определенное нечто. Его эмоции остаются для него не понятными, буквально «не озвученными» извне. Не происходит того облегчения, которое обычно достигается при возможности беспрепятственно проецировать свои эмоции и встречать согласие у взрослого на это «размещение вовне» (Lazar, 1987). Безусловно, при таком молчаливом уходе за малышом сильно отстает развитие его собственной речи и символообразования. Данный вывод подтверждают также наблюдения за детьми, чьи матери страдают послеродовой депрессией.

Анализируя результаты экспериментальных исследований и наблюдений за материнскими и «отказными» детьми, трудно точно предсказать степень тяжести возможных последствий в каждом конкретном случае. Такую связь можно обнаружить лишь в длительных наблюдениях или в кропотливом изучении подробностей жизни отдельных пациентов. В процессе клинических наблюдений в типичных для Дома ребенка условиях мы пытались найти новые подтверждения того, что нарушение объектных отношений в раннем возрасте губительно сказывается на способности ребенка к взаимодействию с ближайшим окружением, являясь провозвестником и ослабленной способности к установлению длительных, прочных межличностных отношений в последующей взрослой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Баженова О.В.* Диагностика психического развития детей первого года жизни. М., МГУ, 1983.
- Баженова О.В.* Диагностика психического развития детей первого года жизни в норме и патологии: Дисс. канд. психол. наук. М., МГУ. 1986.
- Бардышевская М.В.* Компенсаторные формы поведения у детей 3-6 лет, воспитывающихся в условиях детского дома. Автореферат канд. дисс. М., МГУ, 1995.
- Матейчек З., Лангмайер И.* Психическая депривация в раннем возрасте. Прага, Авиценна.
- Прихожан А.М.* Анализ содержания образа «Я» в старшем подростковом возрасте у учащихся массовой школы и шкалы-интерната // Возрастные особенности психического развития детей (Ред. И.В.Дубровиной). М., «Педагогика», 1982. С.122-187.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Младший школьник // Психическое развитие воспитанников детского дома (Ред. И.В.Дубровиной, А.Г.Рузской). М., «Педагогика», 1990. С.175-204.
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Исследование психического развития младших школьников, воспитывающихся в закрытом детском учреждении // Лишенные родительского попечительства (Ред.

- В.С.Мухиной). М., «Просвещение», 1991.
- Солоед К.В.* Психическое развитие младенцев в условиях материнской депривации. Дисс. канд. психол. наук. М., МГУ, 1998.
- Beres M., Obers S. (1946).* The effects extreme deprivation in infancy on psychic structure in adolescence: a study in ego development. *Psychoanal. Stud. Child*, 2, p.212-235.
- Bick E. (1968).* The experience of the skin in early object-relations. *Int. J. Psychoanal.* vol.49, p.484.
- Bick E. (1986).* Findings from Infant Observation Integrated into Child and Adult Analysis. *British Journal of Psychotherapy*, vol.2(4).
- Bion W. (1959).* Attacks on linking. *Int. J. Psycho-Anal.* vol. 30. pp. 308-315.
- Bowlby J. (1979).* The Making, and Breaking of Affectionate Bonds. Tavistock Publication, London.
- Freud A. & Burlingham D. (1943).* War and Children, N.Y.: International Universities Press.
- Freud A. (1945).* Infants without families. N.Y.: International Universities Press.
- Goldfarb W. (1945a).* Psychological privation in infancy and subsequent adjustment. *Amer. J. Orthopsychiat.*, 15. p.247-255.
- Goldfarb W. (1945b).* Effects of psychological deprivation in Infancy. *Amer. Jour. of Psychiatr.*, 102.
- Greenacre P. (1945).* The biologic Economy of Birth, in: *The Psychoanal. Study of the Child*. Bd.1, N.Y., p.31-51.
- Hamilton V. (1982).* Narcissus and oedipus, the children of psychoanalysis. L., Routledge and Kegan Paul.
- Klein M. (1952).* Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant. In: *Envy and Gratitude and other works 1946-1963.* (Ed. by Segal A.), 1993. London., p.61-93.
- Klein M. (1946).* Notes of some schizoid mechanisms. In: *Envy and Gratitude and other works 1946-1963.* (Ed. by Segal A.). 1993. London., p.1-24.
- Lazar R. (1987).* Die Trennung und ihre Bedeutung im frühesten Lebensalter. *Kind und Umwelt*, 56, ss.36-60.
- Mahler M., Pine F., Bergman A. (1975)* Die psychische Geburt des Menschen. Frankfurt a.Mam. Fischer.
- Papousek H. & Papousek M. (1975).* Cognitive aspects of preverbal social interactions between human infants and adults. In: *Parent-Infant Interaction*. Ciba Foundation Symposium 33 (New Series), North Holland: Elsevier, p.241-269.
- Ribble M. (1943).* The rights of infants. N.Y.: Columbia Univ. Press.
- Ribble M. (1938).* Clinical studies of instinctive reactions in newborn babies. *Amer. J. Psychiat.*, 95.
- Ribble M. (1944).* Infantile experience in relation to personality development. In: *Personality and the behavior disorders*, vol.2. Ronald Press.
- Spitz R. (1945).* Hospitalism. An inquiry into genesis of psychiatric conditions

- in early childhood. *Psychoanal. Stud. Child*, 1, p.53-74.
- Spitz R., Wolf K. (1946a)*. Anaclitic depression. An inquiry into genesis of psychiatric conditions in early infancy. *Psychoanal. Stud. Child*, 2, p.313-342.
- Spitz R. (1946b)*. Hospitalism. A follow-up report. *Psychoanal. Stud. Child*, 2, p.113-117.
- Spitz R. (1963)*. Life and the dialogue. In: *Counterpoint*, Ed. H.Gaskill, N.Y.: International University Press.
- Spitz R. (1992)*. Vom Saugling гит Kleinkind. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Stern D. (1985)*. The interpersonal world of the infant. N.Y.: Basic Books Inc., Publishers.
- Winnicott D. (1945)*. Die primitive Gefuhlsentwicklung. In: D.Winnicott. *Von der Kinderheilkunde zur Psychoanalyse*. Fischer Taschenbuch Verlag. 1994.
- Winnicott D. (1951)*. Ubergangsobjekte und Ubergangsphanomene. In: D.Winnicott. *Van der Kinderheilkunde zur Psychoanalyse*. Fischer Taschenbuch Verlag. 1994.
- Winnicott D. (1957)* The child and the family. Tavistock Public. N.Y. Basic Book.
- Winnicott D. (1956)*. Primare Mutterlichkeit. In: D.Winnicott. *Von der Kinderheilkunde zur Psychoanalyse*. Fischer Taschenbuch Verlag. 1994.
- Winnicott D. (1988)*. Babies and their mothers. London.